

Олег Сеницын

Батилиман

Олег Геннадьевич Сеницын

Батилиман

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161790

Содержание

4

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Олег Сеницын

Батилиман

Солнце палило нещадно. До дельфинария оставалось порядка пятисот метров, когда я заметил мальчика лет пяти. Он сидел на большом бордовом покрывале, дальше всех от моря, и тихо плакал, между всхлипываниями зовя маму.

Я остановился. Марина, шедшая сзади, ткнулась мне в спину.

– Ты чего встал? – спросила она, поправив солнцезащитные очки. – До представления осталось десять минут, а нам еще топтать по этой жаре.

– Не выношу, когда дети плачут.

– Это еще щадящий режим. Наверное, в очередной раз испытывает терпение мамы. Пошли.

– Но, может, что-то случилось?

Со вздохом недовольного повиновения Марина направилась к мальчику. Я хоть и люблю детей, но всегда был неуклюж в общении с ними. А Марина... Марина прирожденный педагог.

– Ну, чего плачешь? – деловито спросила она, опустившись перед ним на колени.

Малыш посмотрел на нее глазами, полными слез.

– Где твоя мама?

Он часто задышал и закатил рев на полную.

– Как маме фамилия? – всунулся я.

Маринка глянула на меня с укором, а ребенок продолжал реветь.

– погоди плакать, – пыталась утешить она. – Тебя как зовут?

– С-саша, – ответил малыш.

– А маму?

– Мама Вера.

– Куда ушла твоя мама Вера?

– Купаться.

– Давно?

– Да.

К нам стали подходить отдыхающие.

– Кто-нибудь видел его маму? – спрашивал я.

Люди отрицательно качали головами.

– Я, кажется, их знаю, – сказала женщина лет сорока в соломенной шляпе. – Мы с ними живем на одном этаже в санатории. Фамилия их, кажется... то ли Северо..., то ли Серогородские.

– Вера Серогородская! – крикнул я громко. – Подойдите к ребенку! Вера...

– Что случилось? – К нам подбежала пожилая женщина в закрытом купальнике.

– Вы Вера?

– Нет.

Я мысленно выругался.

– А папа где? – продолжала расспросы Марина.

– Папа в Харькове. Мы сюда с мамой приехали.

– Ты видел, куда мама ушла купаться?

– Туда. – Малыш указал на огромный валун, торчащий из воды метрах в пятнадцати от берега.

– Витя, – обратилась ко мне Марина, – сплавай туда.

Я мигом освободился от майки, шорт и шлепанцев. Двое мужчин, стоявших рядом, уже заходили в воду.

К камню мы подплыли почти одновременно. Он поднимался над водой – массивный, сверху высушенный солнцем, снизу обросший щетиной водорослей.

– Я на дне поищу, – сказал мужик в плавательных очках.

Я тем временем взобрался на камень и стал осматривать дно сквозь прозрачную толщу воды. Ничего. Лишь проплыла пара серебристых рыбешек.

...Мы ныряли по очереди больше получаса, но так и не нашли пропавшую маму. Мои коллеги по поискам вернулись на берег, а я, напоследок, снова вскарабкался на камень. Небольшие волны ударялись о него, в ноги летели брызги.

Вдалеке море было гладким, словно лист бумаги, ближе к берегу нехотя морщилось волнами. Но впечатление безмятежности обманчиво. Ни одна из стихий еще не познана до конца, особенно море.

Когда я спустился в воду, собираясь плыть к берегу, то ощутил в ноздрях запах рыбной гнили. Покрутив головой по сторонам, я не обнаружил источника зловония. Разве что в полуметре покачивался осклизлый пучок травы, но он не мог бы...

Я ощутил прикосновение к ноге.

Словно кто-то провел пальцами по икроножной мышце. Кошмарное чувство. Не менее кошмарное, чем когда получаешь внезапный удар в спину.

Я опустил лицо в воду. Кроме стелящихся по дну бурых водорослей и темных камней подо мной было пусто. Остановившееся сердце вновь начало биться. Я торопливо поплыл к берегу.

Вечером, когда я сидел на лавочке возле здания санатория и курил, выпуская дым в звездное небо, ко мне подсела наша горничная, крашенная блондинка с возрастом, приближающимся к сорока, и множеством волосиков на верхней губе.

– Можно сигаретку? – попросила она.

Я протянул ей пачку «L&M».

– Я возьму две, – сказала она. – Это ведь вы нашли мальчика, у которого пропала мама?

Я кивнул.

– Да, молодая еще. Хорошо, у ребенка хоть отец остался. А то в прошлом году девочка вообще лишилась родителей.

– А что было в прошлом году?

– Зажигалочку можно? – Она прикурила. – Папа с мамой пошли купаться. Девочка осталась на пляже одна. День был солнечный, народу тьма. Но ни один не видел, куда они подевались. Когда купаешься, то не смотришь за остальными. Нырнул человек, так ты что, будешь ждать, пока он вынырнет? Конечно, нет! Так никто ничего и не видел.

– И никаких следов?

– Никаких. Тито, наш старый милиционер, он сейчас на пенсии, сказал, что водолазы всю бухту обшарили, но ничего не нашли. Впрочем, как и раньше.

Теперь я смотрел на нее с интересом.

– Что значит «раньше»?

Она огляделась украдкой и воровато затянулась сигаретой.

– Нам не разрешают об этом распространяться, – заговорила она, выпуская изо рта вместе со словами маленькие клочки дыма. – Батилиман переводится как чистая, глубокая вода, и это правда. Вода у нас одна из самых чистых на побережье Крыма. А природа, горы, леса? Настоящий заповедник. Рай для отдыха. Но кто купит путевки в санаторий, в котором бесследно исчезают люди.

– И все-таки, похожие случаи были? –

– Были, были. Я здесь пятнадцать лет, так в мой первый год пропал человек. Здесь, в Батилимане, не в Ласпи. Через год пропали сразу трое. Два года ничего, на следующий – пятеро. И так далее. В прошлый и позапрошлый года тихо

было. В этот – уже трое, а сезон ведь только начался.

– А что милиция?

– А шо милиция. – Она взмахнула рукой, и накопившийся на сигарете пепел упал ей на ногу. Она элегантно сдула его. – Работают по стандартной схеме: катер, аквалангисты, эхолокация дна. Вот и сегодня, я слышала, опять аквалангисты плавали. Один наш, другой из дельфинария. Только все впустую.

– Где же это происходит? – Я нахмуренно разглядывал темный берег. – В Батилимане или Ласпи?

– А какая разница! Один залив-то. С одной стороны – мыс Айя, с другой – вон та гора, тьфу, как ее, заразу... Краб, что ли. Там еще внизу вышка, видите? Это Форосс и бывшая дача Горбачева. И Батилиман, и Ласпи – все в одном месте. Может и причина одна?

Я отплыл далеко от берега, и мне открылся весь комплекс санатория «Батилиман». Он стоял на склоне горы Кушкаяя, что в переводе с тюркского означает «Спящая красавица». Если ехать по дороге из Ялты, то, действительно, можно увидеть в этой громадине голову, плечи и бедра лежащей на боку женщины.

Вообще, горничная права, бухта действительно уникальная. Морское побережье отделено от остальной части Крыма горной грядой. Наша «Спящая красавица» располагалась к морю ближе остальных, благодаря чему в бухте создавал-

ся неповторимый микроклимат. Летом флора побережья согревалась лучами щедрого южного солнца, зимой – теплом, накопленным за лето горой Кушкайя. Именно ее я сейчас и разглядывал, качаясь в волнах на черт знает каком расстоянии от берега.

Надо возвращаться на берег. Пока есть дни, пока не вышел срок путевки, нужно валяться на пляже и поджаривать себя на солнышке, как это делает сейчас Марина.

Едва я сделал первый гребок, как почувствовал прикосновение к лодыжке. Легкое, скользящее, похожее на то, которое я ощутил в бухте Ласпи.

Расстояние до дна подо мной было приличным. Я живо представил, как меня хватает за ногу подводное чудовище и утаскивает задыхающегося на глубину. Еще в детстве, плавая по родимой Печужке, меня всегда ужасала эта воображаемая ситуация, соединяющая в себе неожиданность и неизвестность, заставляющая леденеть кровь.

Я вылез из моря и плюхнулся на покрывало. Пляжная галька больно врезалась в грудь. Марина, сквозь дрему, что-то пробормотала, обращаясь ко мне.

– Что? – не понял я.

– Сходи в душ, – повторила она, не открывая глаз. – От тебя потом несет.

Я потянул носом воздух и, действительно, почувствовал запах... гниющей рыбы. Зловоние, которое я уловил еще тогда, в бухте Ласпи. Источник запаха обнаружился на левой

щиколотке – два небольших пятна грязно-зеленой слизи.

...Слизь оттиралась плохо. За неимением мочалки, я тер ее водорослями, смоченными в морской воде. К какой же ноге я почувствовал прикосновение? К правой или левой?

Пятна наконец сошли – а куда они денутся, после знакомства с крепкими руками слесаря? Бормоча “правая, левая”, я вновь опустился возле Марины; ткнул ее локтем, чтобы она перевернулась на живот, во избежание ожога. Она пробормотала наперекор что-то нечленораздельное, но все же перевернулась. Я закрыл глаза.

Надрывный крик женщины, раздавшийся сквозь шум детей, людей и прибоя, вырвал из дремы. Я открыл глаза и понял, что незаметно уснул. Солнце спалило грудь и живот.

– Помогите кто-нибудь! – Пожилая женщина в большой панаме показывала в сторону моря. – Мой мальчик исчез под водой!

Я мгновенно оказался на ногах. Что бы это ни было: оно случилось опять!

– Где? – спросил я, подбежав к ней.

– Он плавал возле скал на матрасе. Матрац там, а моего мальчика на нем не-е-е-т!!! – Она залилась слезами.

Я кинулся в море.

У кромки прибоя мне встретился подросток, который выходил из воды с маской для ныряния, наполненной мидиями. Я отобрал у него маску, пообещав, что верну через пять ми-

нут. Сзади какой-то мужчина, возможно отец, закричал «Эй-эй!», но я не обратил внимания. Вытряхнув мидий, спешно промыл стекло и, присосав маску на лицо, быстро поплыл к нагромождению скал.

Возле одинокого надувного матраца, качающегося на слабых волнах, огляделся. Мальчика не видать, зато явственно ощущалось уже знакомое зловоние. Я набрал воздуха в грудь и нырнул.

Под водой было тихо и на первый взгляд пусто. Все те же колючие бурые водоросли, обросшие ракушками валуны. Мальчика не было и под водой. Я вернулся на поверхность.

Где он может быть? Возле пляжа – вряд ли. Там неглубоко и много купающихся. Унесло в море? Маловероятно.... Почему-то мне казалось, что искать надо возле скал.

Я снова нырнул и по-лягушачьи поплыл вдоль гигантских камней, образующих берег. Глубина здесь небольшая, три-четыре метра. Часто поднимая голову, чтобы глотнуть воздуха, я поймал себя на мысли, что надо было забрать у подростка и трубку.

И ласты бы не помешали.

Что-то белое мелькнуло впереди в серо-зеленой мгле. Кажется, детская нога...

Я поднял голову и, глубоко вдохнув, погрузился метра на три.

Сквозь запотевшую маску открылось нечто большее. Побелевшее неподвижное тело плыло со скоростью, примерно

равной моей. Что-то несло мальчика. Оно было чуть темнее воды, такого же темно-зеленого цвета, и довольно крупных размеров. Трудно сказать, за счет чего оно двигалось, но делало это весьма проворно.

Воздух закончился быстро, и мне пришлось быстро вынырнуть. Когда я вновь очутился под водой – ни существа, ни мальчика там уже не было.

После я долго нырял возле скал; порядком нахлебался, в уши набилась вода. Так ничего и не нашел. Более того, я потерял место, где видел мальчика и существо.

Подплыли еще трое в масках и ластах. Мы разделились: двое отправились за камни, а я и еще один полный украинец стали нырять возле скал.

– Шо вы увидели? – спросил он меня после очередного погружения, выплюнув загубник трубки.

– Не знаю. Что-то тащило мальчика.

– Он был невредим?

Чернявый лейтенант милиции смотрел исподлобья. Я сидел на лавочке летнего кинотеатра, тупо уставившись в одну точку и непрерывно курия. Впервые за восемь дней моего пребывания в «Батилимане» вечером не показывали фильм. Солнце уже село. Вокруг, по одному, стали зажигаться тусклые фонари, искусно заправленные в резные стволы деревьев.

– Вы видели какие-нибудь раны, укусы на теле?

– Да нет, ничего такого не заметил.

Вокруг нас собралось человек двадцать любопытствующий. Все смотрели на меня. Я не мог быть центром внимания у такого количества людей, я смущался, мне было стыдно, что я не успел спасти мальчика и, к тому же, рассказывал историю, которой никто не верил и в которой каждое слово звучало, как ложь.

– И большое было существо? – Может, мне показалось, но в голосе милиционера слышался сарказм.

– Не знаю. Не разглядел. У меня запотела маска... Но оно было больше человека.

– Может, это была рыба?

– Вы знаете в Черном море такую большую рыбу?

– Но, похоже, вы ее знаете!

– Може, це был дельфин? – спросил меня полный украинец, с которым мы вместе искали мальчика.

– Чушь! – фыркнул лейтенант. – Все это чушь.

– Это не чушь, молодой человек, – раздался из задних рядов звучный голос.

Люди стали оглядываться. Толпа расступилась. Я поднял голову и увидел старика в водолазном костюме, с аквалангом и ластами в руках. Его бронзовое от многолетнего загара лицо прорезали глубокие морщины. Волосы были белыми и сырыми.

– Это не чушь, – повторил он. Люди едва заметно попятились от него. – Еще со времен киммерийцев здесь обитает морской дьявол. Он живет в подводной пещере, где-то под

нами. И лакомится купальщиками, такими вот, как вы!

Повисло молчание.

– Что, Леонидыч, не нашел мальчика? – задиристо, показывая свою власть, спросил лейтенант. Наша горничная говорила, что он здесь первый год.

– Мальчик был жив до заката.

– Чего? – сказал милиционер.

– Дьявол хватает людей за ноги. – При этих словах у меня по спине пробежал холодок. – Утаскивает их на глубину, в свою пещеру, и пожирает на закате. Пока не зашло солнце, мальчик был жив. Я искал пещеру, сколько мог. Я все время ищу ее, но она имеет секрет...

– Ладно, – озадаченно произнес молодой лейтенант, – иди, Леонидыч, ты сегодня устал.

Леонидыч тяжело посмотрел на лейтенанта, повернулся и медленно побрел к маленькому домику за столовой. Я запомнил этот дом.

– Больше я ничего не могу сделать, – сказал милиционер кому-то. —Завтра с утра приедет следственная бригада, они разберутся.

– Ему нравится человечина! – громко произнес Леонидыч, обернувшись. – Морскому дьяволу, мать его!

– Это наш инструктор, – прокомментировала дородная женщина-директор. – У него бывает.

– А вы никуда не уезжайте, – сурово сказал милиционер. Через секунду я понял, что он обратился ко мне. – Завтра

приедет бригада, они захотят с вами поговорить.

– Не волнуйтесь, – ответил я, слыша свой голос изда-
лека. – Мой поезд отбывает из Севастополя лишь послезавтра.

Позже, когда Марина уснула, я тайком выбрался из номе-
ра. Едва я оказался на улице, как на меня накатила волна
запахов зелени и свежего воздуха с моря. Тьма стояла непро-
глядная. Я стал спускаться по бетонной дорожке, ведущей к
столовой, за которой находился домик Леонидыча.

Над порогом горел тусклый фонарь. На мой стук дверь
открыл хозяин.

– Добрый вечер! Я...

– Заходи.

Я молча вошел и закрыл за собой дверь.

Леонидыч жил один. В двух тесных комнатах все было
прибрано, все стояло на своих местах. Но в этом порядке
угадывалась рука не женщины, а опытного холостяка.

– Выпьешь, парень? – спросил он. – Тебе надо бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.